

Ольга Геннадьева

**Тётенька,
верните
деньги...**

Ольга Геннадьева
Тётенька, верните деньги...

«Автор»

2026

Геннадьева О.

Тётенка, верните деньги... / О. Геннадьева — «Автор», 2026

«Тётенка, верните деньги» — с этой фразы начинается одна история и этим же названием открывается сборник. Дальше — больше. Автор пишет так, будто вы сидите на кухне с чашкой чая, а она рассказывает вам о себе. Без прикрас, без пафоса, но с той самой самоиронией, которая бывает только у людей, переживших и переезд в другую страну, и развод, и чёрный список в соцсетях, и бюрократический ад со сменой паспорта. Она — учительница, журналистка, переезжающая женщина, которая однажды села не в ту электричку, а потом выяснила, что это была правильная ошибка. В её мире есть место и первому опыту покупок в семь лет, и шоколадной зависимости, и принцам с сайтов знакомств (которые оказываются мошенниками), и школьникам, пьющим чай после уроков, и внезапной мудрости: «Настоящий принц не попросит оплатить доставку». Здесь нет вымысла. Только жизнь: смешная, грустная, неудобная — и оттого по-настоящему тёплая. Иронично. Честно. Без жалости к себе. Просто — как есть.

© Геннадьева О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Детство и взросление	5
Тётя, верните деньги	6
Женька	8
Как справиться с шоколадной зависимостью?	9
Чего я боюсь?	11
Глава 2. Учительская и творческая	12
Пишите, Шура, пишите!	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Тётя, верните деньги...

Глава 1. Детство и взросление

Тётенька, верните деньги

Порой мне кажется, что в детстве я была гораздо уверенней. По крайней мере, в некоторых случаях сомнений было меньше, чем сейчас. Я не боялась брать на себя ответственность. И смело её брала — без всяких рассуждений. Отгребала, конечно, порой за свою самоуверенность по полной. Но мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь.

Итак, тётя Настя вручила мне торжественно три рубля. Нет, правильной будет сказать — всунула. Наказала, что купить, и отправила в магазин. А торжественность сего процесса родилась уже в моём воображении. Как же — целых три рубля! Неимоверное богатство по тем временам.

Мне было семь лет. Я была горда собой. Солнце поддерживало меня и радостно сияло. В руке — бумажная хрустящая банкнота. Мне доверено сделать самостоятельную покупку. Жизнь однозначно меня любила.

Я выбрала в магазине всё, о чём просила тётя, и уже отправилась обратно. И тут увидела их — продавцов орехов и семечек.

Те, у кого детство выпало на восьмидесятые, вы наверняка помните их. Они гордо восседали на выходе из магазинов со своими мешками — пузатыми, тугими. Обязательный гранёный стакан сверху. Им отмеряли покупки и ссыпали в кулёчки из старых газет.

Я никогда не могла пройти мимо равнодушно. Даже если ничего не покупала — всё равно залипала на пять-десять минут. Мне нравилось наблюдать, как они обслуживают покупателей, улыбаясь, ссыпают стакан семок и, мгновение подумав, добавляют щепотку сверху. Бонус.

Так хотелось запустить в мешки ладошки, почувствовать упругость чёрных зёрнышек, перебрать их пальцами. Но ещё больше тянули к себе грецкие орехи. Продавали их поштучно и кучками. Мне они казались волшебными. Съешь — и исполнится любое желание

И вот я радостно выхожу из магазина. В кармашке ситцевого платяца позвякивает сдача — два рубля с мелочью. В руке — авоська с покупками. А на крылечке сидит она — продавщица орехов. На импровизированном прилавке из деревянных коробок разложено её богатство. Рядом — мешок семечек.

Я остановилась, залюбовавшись. Мне так хотелось орешков! Пальцы ощупывали денежку. Я чувствовала себя взрослой, самостоятельной.

— Сколько? — уверенно ткнула пальцем в самую большую горку.

— Десять орехов — рубль, — отрапортовала женщина и с любопытством посмотрела на меня.

— Беру!

Я протянула железный рубль. Она отсчитала десять орехов, высыпала в газетный кулёчек. Я гордая собой отправилась домой.

Не доходя до дома, встретила подружку Ирку. Не отказала себе в удовольствии похвастаться покупкой и даже подарила ей один орех. Ещё один мы поделили пополам — расколоть оказалось хлопотно, но мы справились. Остальные решила разделить между домашними: два орешка тёте Насте, два — Денису, два — Диме, два — мне.

«Вот все обрадуются, когда узнают, какой сюрприз я им приготовила!» — размышляла я.

Тётя Настя пересчитала сдачу раз, другой.

— Где ещё рубль? — её взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Орехи купила, — пролепетала я, и моя смелость вмиг улетучилась.

Тётя Настя пренебрежительно посмотрела на мою покупку, завернула кулёк и потребовала вернуть всё обратно.

— А я ж Мы ж — попыталась объяснить я, что двух орешков уже нет.

— Это твоё дело. Но рубль тебе надо вернуть.

Тётка была неумолима.

Повесив голову, я побрела обратно. Солнце продолжало радостно светить, но мне было грустно и стыдно. Во дворе Ирка хвасталась моим подарком перед разинувшей рот малышняй.

— Ир, отдай мне, пожалуйста, орех обратно. Очень надо, — попросила я.

Она кинула на меня взгляд — и без лишних вопросов вернула.

Тяжелее всего было объясниться с продавщицей. Я стояла перед ней минут пять, понуро разглядывая носки сандалий. Потом протянула кулёк.

— Тётъ, верните мне деньги, пожалуйста — промычала я. — Только тут всего девять орешков осталось.

— Отругали? — понимающе проговорила женщина.

— Угу, — еле слышно пробубнила я.

— На, — она протянула мне новенький, блестящий рубль.

— Как? Я ж только девять орехов вернула? — я смотрела на неё в недоумении.

— Ничего. Всё в порядке. Считай, что один орешек я тебе подарила.

Я бежала домой, зажав в руке спасительный рубль. Солнце вновь дарило радость. Мир был наполнен счастьем и любовью.

Сейчас, спустя много лет, я иногда вспоминаю ту продавщицу. Её лицо стёрлось из памяти. А рубль — нет. И тот момент, когда она могла сказать «сама виновата», но сказала «ничего, бывает».

Я тогда впервые поняла, что доброта бывает незаслуженной. И что это — самый ценный подарок

Женька

Женька вертелась около зеркала и внимательно рассматривала своё отражение. Фигурка вроде ничего. Ножки ровные, даже стройные, и обе прямые.

Грудь вон уже появилась. Выступает робко, смущённо, небольшими холмиками. Руки длинные. Руководитель танцевального кружка говорит, что они у Женьки как у лебедушки крылья.

Волосы Волосы свои Женьке не очень нравятся. Непослушные, вечно выбиваются из косичек. Вот если бы они были чуть посветлей, как у Ксюшки, например, и завивались такими же колечками. Ах!

Женька подошла к своему отражению близко-близко и заглянула в свои глаза. Они у неё зелёные, зелёные, как свежая хвоя на ёлочках. Ресницы густые, чёрные, с изгибом.

— Так я красивая или нет? — девочка подмигнула своему зеркальному двойнику и засмеялась.

Женькино отражение тоже засмеялось, только беззвучно.

Она ещё немного постояла, поймала себя на том, что улыбается сама себе, и вдруг смутилась. Отвернулась, потянулась к расчёске, сделала вид, что искала что-то на полке. Сердце стучало часто и непонятно — то ли от танцев, то ли от этого разговора с зеркалом.

На комодке стояли мамины духи. Женька взяла флакон, покрутила в руках, поставила на место. Потом всё-таки брызнула чуть-чуть себе на запястье. Пахло цветами и чем-то взрослым, немножко запретным.

Она вышла из комнаты, уже на пороге обернулась, бросила быстрый взгляд в зеркало — на всякий случай. Отражение ничего не сказало. Только в зелёных глазах плясал тот самый свет, который бывает у девчонок, когда они ещё не знают, какие они на самом деле красивые.

Годы спустя взрослая Александра Геннадьевна будет вспоминать этот вечер и улыбаться. Не потому, что всё тогда решилось. А потому, что та, у зеркала, была права. И вопрос задала правильный.

Как справиться с шоколадной зависимостью?

Они лежали в коробке с сахаром. Обычный сахар-рафинад, уже начатый, и там — сверху — конфеты. Шоколадные, в тёмно-синих фантиках. Уже не помню, как они назывались. Даже вкус не помню. Помню только картинку: коробка, белый сахар, конфеты.

Распоряжалась ими бабушка. Выдавала мне одну после обеда. Как я любила этот момент.

Мы сидим за низеньким тундровым столом. Суповые тарелки убраны. На столе — чашки. Не простые, с блюдечками. В моём детстве чай пили только так: блюдце было обязательным атрибутом.

Бабушка разливает ароматный чай. О пакетиках тогда слыхом не слыхивали — заварку бросали прямо в заварник. И вот чашки полны. Все неторопливо разливают чай по блюдцам.

Мне нравится наблюдать за дедом. Для него чаепитие — целый процесс. Он не кладёт сахар в чай, любит пить вприкуску. На лице — спокойствие и блаженство.

Мне пять лет. Жду, когда бабушка откроет заветную коробку. Она выдаёт всем по две штуки. Мне — никаких поблажек. Тоже две. И если бы мне позволили, я смела бы их все. Дедушка будто чувствует мои мысли — и великодушно отдаёт свою долю. Я улетаю на седьмое небо.

Сейчас понимаю: бабушке не жалко было конфет. Она думала о моём здоровье.

Почему я вспомнила это сейчас?

Уже больше десяти лет пью чай без сахара. Для меня это норма. А вот любовь к шоколаду не прошла. Даже выросла. Особенно к вечеру. Если знаю, что где-то припрятана плитка — одним кусочком не ограничусь. Доем всю. И глазом не моргну.

Чем не зависимость?

Исследователи, кстати, так и думают. Американский врач Джейн Коллинвуд изучала женщин, которые едят шоколад каждый день. Мозговая активность у них напоминала тесты алкоголиков и наркоманов. После шоколада — всплеск серотонина, через час — резкое падение. И настроение, и активность.

В общем, «шокоголия» — почти как настоящее расстройство.

Что делать? Доктор Джейн говорит: спасение есть. Я выслушала. Подумала. Переложила на свой внутренний язык.

Мои пять шагов к свободе от шоколада (почти серьёзно)

Шаг первый. Признать. Я ем шоколад не потому, что голодна. А потому, что хочу того самого чувства — бодрости, уюта, маленького праздника. И если у меня есть лишний вес, то это не шоколад виноват, а всё остальное, что я в себя закидываю. Так что хватит переключивать.

Шаг второй. Оценить масштаб. Пара долек в особо тяжёлый день — это одно. Пара плиток почти каждый день — совсем другое. В первом случае — милый женский каприз. Во втором — угроза печени, диабет и нервная система, которая скачет, как заяц.

Шаг третий. Не запрещать. Запретный плод сладок. И особенно — шоколаден. Пара долек тёмного, качественного, в первой половине дня — не страшно. Даже полезно, говорят. Главное — посчитать калории и не врать себе.

Шаг четвёртый. Подружить с белком. Если после сладкого набрасываешься на еду — заедай шоколад творогом или йогуртом. Звучит странно. Работает.

Шаг пятый. Понять, что я заедаю. Обиду? Скуку? Усталость? «Создание комфортного пространства вокруг себя — гораздо более увлекательное занятие, чем заедание стресса», — сказала доктор Джейн. Я перевела: если хочется шоколада — может, хочется тишины? Или сна? Или просто побыть одной?

Физиологической зависимости от шоколада, кстати, не существует. Всё это — эмоции. А значит, всё в моей власти.

Надеюсь, наступит тот день, когда я включу свою внутреннюю бабушку. Ту самую, из тундры. Она не запрещала мне сладкое. Она просто выдавала одну конфету после обеда. И этого было достаточно, чтобы чувствовать себя счастливой.

Может, и мне стоит попробовать — не запрещать, а дозировать. С любовью. Как бабушка. А вы дружите с шоколадом? Или он вами командует?

Чего я боюсь?

Как говорил мой покойный супруг:— Чтобы Шурку напугать, надо шубу выворачивать. Он знал, что говорил. Я и правда не из пугливых.

Нет, в детстве, конечно, боялась много чего. Темноты, грома, шаровых молний, Бабы Яги, одиночества. Сказала «много», а самой больше и вспомнить нечего.

Когда гремел гром, я пряталась под одеяло, под кровать, замуривала глаза, закрывала уши. Лишь бы не слышать и не видеть.

А потом прочитала историю о девочке, которая считала: когда сверкает молния и гремит гром, это кто-то на небесах её фотографирует. И чтобы получился хороший кадр, она улыбалась при каждой вспышке.

Я тоже стала улыбаться молниям.

И знаете — помогло. Гром перестал быть страшным. Он стал просто громом, а молния — вспышкой, на которую можно улыбнуться.

С темнотой я тоже подружилась. И с монстрами, которые в ней прячутся. Теперь мне не нужно зажигать свет во всей квартире, когда я остаюсь одна. Напротив — люблю приглушённый свет, торшеры, бра, свечи. Особенно свечи. Их живой огонь успокаивает лучше любых ночников.

Одиночество? А чего его бояться?

Помню старый анекдот:— Вы страдаете извращениями?— Нет, я ими наслаждаюсь.

Вот и я одиночеством наслаждаюсь. Тишиной, свободой, возможностью не врать, не подстраиваться, не объяснять, почему сегодня нет сил на разговор. Одиночество — это не пустота. Это комната, которую ты заполняешь сама.

Но есть у меня один страх. Вернее, даже не страх, а беспокойство.

Понимаете, все мы рано или поздно уйдём в мир иной. Как говорится, живым отсюда ещё никто не уходил. Так вот, я переживаю: когда это случится, что я оставлю после себя бардак.

Не в душе — с душой разберутся без меня. А в шкафу и в комод.

Смешно? Возможно. Но я правда стараюсь содержать их в порядке. Мало ли что может случиться завтра. И если уж представлять перед вечностью, то лучше с разложенными по полочкам носками и без стыда за нижнее бельё.

Как-то так.

А чего боитесь вы? Не замуриваясь, а честно?

Глава 2. Учительская и творческая

Пишите, Шура, пишите!

Когда я впервые пришла в редакцию «Красного Севера», меня обуяли два чувства.

Первое — восхищение. Я увидела вживую людей, публикациями которых зачитывалась. Вот они — на расстоянии вытянутой ноги. Смотрела широко раскрытыми глазами (насколько позволял мой разрез глаз) и цепенела от восторга.

Помню первый рабочий день. Утро. Иду к главному редактору Владимиру Никитичу Волошину. Никитич — седовласый интеллигент высшей пробы, импозантный, статный, талантливый. Монстр журналистики. Он лично провёл меня по кабинетам, представил коллегам, показал моё место.

Сдвоенный кабинет. Мой стол — у входа. С него только что смахнули остатки чаепития. Прямо при мне, под укоризненным взглядом Никитича.

— Я ж предупредил, что надо приготовить стол, — заметил он с лёгкой укоризной.

Компьютеры тогда только появлялись. Тексты писали от руки, сдавали в набор, вычитывали, правили, снова сдавали. Главные инструменты — ручка, лист бумаги и умение складывать слова в предложения.

Второе чувство — страх.

Я реально испугалась: а смогу ли вообще писать? Не слишком ли много о себе возомнила? Никаких журфаков и филфаков за плечами. Семь лет танцев, год собкорства в районке и диплом учителя истории.

Первые месяцы я просто тупила. Где брать темы? Как разговаривать? Что спрашивать? Смотрела на коллег — какие они крутышки, как у них тексты рождаются. И переживала, смогу ли так.

В общем, начинающей мне быть уже приходилось. Поэтому несколько советов могу дать. Если позволите.

Семь советов от той, кто тоже боялся

Пишите. Каждый день. Хоть Толстой и говорил: «Если можете не писать — не пишите». Мы будем действовать наоборот. Решили писать — пишите. Не факт, что всё пойдёт в печать. Но это точно принесёт пользу.

Пишите для людей. Не для Яндекса, не для Гугла, не для тиража. Для живых людей, которые вас читают.

Открывайтесь. Размышляйте, анализируйте, советуйте, радуйтесь, делитесь впечатлениями о книге, фильме, мысли, посетившей вас во время прогулки. Даже во время поедания бутерброда после шести. Пишите.

Общайтесь. Заходите к другим блогерам. Комментируйте не смайликами, а развёрнуто. Если тема откликнулась — напишите. Это принесёт пользу в любом случае.

Даже без блога — пишите. От руки, на бумаге. Лучше по утрам, как советует Джулия Кэмерон в «Пути художника». Разгружайте голову от лишнего.

Изучите слепой метод печати. Это наслаждение — когда пальцы порхают по клавиатуре, а взгляд на мониторе. Я училась по Шахиджаняну, «Соло на клавиатуре». Сейчас есть и программы, и онлайн-тренажёры.

Читайте и перечитывайте себя. Ищите опечатки и ошибки. В крайнем случае — нажмите F7.

И да будет вам счастье.

Я помню, как Никитич однажды посмотрел на мою растерянную физиономию и сказал:

— Пишите, Шура, пишите. Что-то да напечатают.

Я написала. Напечатали. Потом ещё. И ещё. И до сих пор — пишу.

Страх не прошёл до конца. Он просто перестал быть главным. Теперь он сидит где-то на заднем сиденье, а за рулём — любопытство, злость (иногда), нежность (чаще) и огромное желание рассказать.

Так что если вы боитесь — присоединяйтесь. Мы, самоучки без журфаков, держимся вместе.

Умница, детка. Пиши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.